

Philologica russica et speculativa tomus VII

М. И. ШАПОР

UNIVERSUM VERSUS

ЯЗЫК — СТИХ — СМЫСЛ
в русской поэзии XVIII—XX веков

Книга вторая

Языки славянской культуры

Москва 2015

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ш 23

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-04-16115

Ш 23 Шапир М. И.

Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков / Под ред. А. С. Белоусовой и В. С. Полиловой, при участии С. Г. Болотова и И. А. Пильщикова. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — Кн. 2. — XXII, 586 с., 1 л. портр. — (Philologica russica et speculativa; Т. VII).

ISBN 978-5-94457-227-1

Вторую книгу монографии М. И. Шапира (1962–2006) составили исследования по истории русского стихотворного языка XVIII—XX вв., а также по истории русского стиховедения и лингвистической поэтики (от Московского лингвистического кружка до наших дней). На материале произведений Ломоносова, Пушкина, В. Хлебникова, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, Д. Хармса, А. Твардовского, И. Бродского, Д. А. Пригова, Т. Кибирова и др. автор исследует взаимоотношения языка, стиха и смысла и развитие русской стиховой культуры. В приложение включены статьи М. И. Шапира, непосредственно примыкающие по своему содержанию к теме монографии, а также полная библиография его опубликованных работ.

УДК 80/81

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-94457-227-1

9 785944 572271 >

- © М. И. Шапир (наследники), 2015
- © Языки славянской культуры, 2015
- © М. В. Акимова, статьи, 2015
- © А. С. Белоусова, статьи, 2015
- © И. А. Пильщиков, статьи, 2015
- © В. С. Полилова, статьи, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

UNIVERSUM VERSUS

О настоящем издании	vii
<i>М. В. Акимова, И. А. Пильщиков</i>	
М. И. Шапир: штрихи к портрету	xi

Часть III. История (XVIII, XIX и XX век)

В поисках незнакового языка (Звук и смысл в поэзии раннего Хлебникова)	3
1. О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фоническая структура)	3
2. Об одном анаграмматическом стихотворении Хлебникова (К реконструкции «московского мифа»)	10
Символическая заумь Федора Сологуба: между ложью и фантазией	18
Псевдобиблейские квазиантропонимы в авангардном поэтическом тексте	26
Время и пространство в поэтическом языке Мандельштама (С примечаниями Е. П. Сошкина)	33
Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона	46
К семантике «пародического балладного стиха» («Солнце» Маяковского в тени Баркова)	62
Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта)	100
Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса)	145
Данте и Тёркин «на том свете» (О судьбах русского бурлеска в XX веке)	151

Содержание

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)	166
О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие)	237
Семантические лейтмотивы иронии-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров)	257

Часть IV. История науки

«Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона)	327
М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха	346
«...Домашний, старый спор...» (Б. И. Ярхо против Ю. Н. Тынянова во взглядах на природу и семантику стиха)	384
Проблема границы стиха и прозы в свете лингвистического учения Р. О. Якобсона	389
«Семантический ореол метра»: термин и понятие (Историко-стиховедческая ретроспекция)	395
Гаспаров-стиховед и Гаспаров-стихотворец: Комментарий к стиховедческому комментарию	405

Приложения

Из «Литературной энциклопедии терминов и понятий»	441
Литературный язык	441
Язык художественной литературы	447
Московский лингвистический кружок (МЛК)	456
Contra philologiam: Лингвистическое и идеологическое в книге М. М. Бахтина и В. Н. Володинова «Марксизм и философия языка» (Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями И. А. Пильщиков)	459
А. С. Белоусова, В. С. Полилова Ненаписанная статья М. И. Шапира о «стихах на карточках» Льва Рубинштейна	483
Список опубликованных работ М. И. Шапира (1986–2015)	496
Библиография	511
Именной указатель	567

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК — стандартная полифункциональная форма существования национального языка, обслуживающая, в первую очередь, область официального быта: государство и общество, прессу, школу (иными словами, это язык общенормативных грамматик и словарей). «По вертикали» (то есть аксиологически) литературный язык противостоит языку неофициального быта: территориальным и социальным диалектам, просторечию, некодифицированной разговорной речи. «По горизонтали» (то есть функционально) литературный язык противостоит небытовым формам существования языка, а именно языкам материальной и духовной культуры (имеются в виду не разные «естественные», а разные социокультурные языки — своего рода «языки в языке»). Их различие с литературным языком уходит корнями в общее различие между тремя глобальными сферами культуры: бытом, с одной стороны, и материальной и духовной культурой, с другой. Специализированные отрасли материального и духовного творчества делают установку на эволюцию, изменение, открытие нового; быт же направлен в основном на генезис, то есть на воспроизведение, умножение, тиражирование достигнутого ранее в других областях, а также на координацию работы узких сфер социокультурной деятельности. Пользуясь романтическим образом В. Хлебникова, противоречия, возникающие в культуре между эволюцией и генезисом, можно назвать конфликтом «изобретателей» и «приобретателей»: экономика «приобретает» достижения материальной культуры, идеология — достижения культуры духовной; политика пытается примирить и увязать экономику с идеологией. В обществе такого типа официальная коммуникация между духовной культурой, материальной культурой и бытом осуществляется при помощи литературного языка.

Установка на генезис имеет следствием две принципиальных особенности литературного языка. Первая — его коммуникативность — связана с частичным распределением между сферами культуры трех важнейших языковых функций: номинативной, коммуникативной и когнитивной. Удел материальной культуры — это по преимуществу номинация: каждый технический диалект представляет собой исчерпывающую номенклатуру соответствующих предметов, явлений, событий, процессов и пр. Лингвистическое своеобразие материальной культуры связано прежде всего с названием мира, в то же время лингвистическое своеобразие духовной культуры связано с его осмыслением: языки культа, искусства, науки нацелены главным образом на «выявление» содержания, всё равно, эмоционального или ментального, но воплощенного с максимальной адекватностью; их существо — в гибкости выразительных средств, пусть порой за счет их понятности: ни жрец, ни поэт, ни ученый не пожертвуют точностью выражения во имя легкости восприятия. В свою очередь, литературный язык всегда готов выражению смысла предпочесть его как можно более широкую передачу: здесь во главу угла ставится распространение информации, и потому особую важность получает момент всеобщности, вседоступности, всепонятности.

Второе важнейшее качество литературного языка — его универсальность. Она связана с претензией литературного языка популяризировать своими средствами практически любое содержание (несмотря на вероятные потери). Языки духовной и материальной культуры такой способности лишены: в частности, смысл литургии невыразим на языке математической науки, и наоборот. Это объясняется повышенной семантической формой, которая изначально ограничивает содержание: специальные языки создавались для выражения особой, необытовой семантики, и именно к определенному типу смыслов оказались лучше всего приспособленными соответствующие средства выражения. Напротив, литературный язык оказывается безразличным, нейтральным по отношению к передаваемым смыслам. Его интересуют только нормативные лексические и грамматические значения — это наиболее семиотичная (конвенциональная) манифестация национального языка. Таким образом, специальные социокультурные языки относятся к языку официального быта как семантически маркированные — к семантически нейтральному. В языках материальной культуры усилен денотативный полюс знака и ослаблен сигнификативный: упор сделан на обозначаемое. В языках духовной культуры, наоборот, усилен сигнификативный полюс знака и ослаблен денотативный: упор сделан на обозначающее (последнее особенно характерно для религиозной мифологии, нереалистического искусства и математической науки). Принципиальное различие в структуре «материального» и «ду-

ховного» знаков хорошо видно из сопоставления технической номенклатуры и научной терминологии: одна предметна, другая понятийна. Литературный язык занимает на этой координатной оси нейтральное положение, являясь некоей точкой отсчета: денотат и сигнификат в нем более или менее уравновешены.

Г. О. Винокур утверждал, что «мы должны говорить о различных языках, в зависимости от той функции, которую язык несет» (Винокур 1990а, 12). Однако специальные языки культуры, помимо функционально-семантических, непременно имеют какие-нибудь формально-лингвистические отличия от литературного языка — только поэтому мы имеем право говорить о разных функциональных языках, а не о разных функциях одного и того же языка. Наиболее яркая (но не единственная) примета языков материальной культуры уже поминалась: их диалекты знают названия сотен тысяч предметов и их деталей, о существовании которых рядовой носитель литературного языка не подозревает. Еще значительнее расхождения между литературным языком и языками духовной культуры, так, язык русского православного богослужения — церковнославянский — обладает рядом структурных особенностей, которые противопоставляют его русскому литературному языку на всех уровнях; кроме того, этот сакральный язык включает в себя также отдельные неассимилированные слова и формулы из других языков: древнееврейского и древнегреческого. В пределе язык культа может быть даже «искусственным» (полностью или частично) — таковы, например, глоссолалии русского сектанства. Язык художественной литературы тоже имеет системные различия с литературным языком, затрагивающие фонетику, морфологию, синтаксис, словообразование, лексику и фразеологию; в дополнение к этому язык словесного искусства допускает любое коверканье национальной речи и принимает любые иноязычные вставки: произведения национальной литературы могут создаваться на «чужом» языке, живом или мертвом, «естественном» или «искусственном» (вроде футуристической или дадаистской заумы). Наконец, язык науки всегда несхож с литературным языком своей терминологией (то есть лексикой и фразеологией), почти всегда — словообразованием, часто — синтаксисом, пунктуацией и особой графикой, иногда — словоизменением и акцентологией. Характерно, что большинство знаков, специфических для языка той или иной науки, обычно носит интернациональный характер. Этого достаточно, чтобы язык науки типологически противопоставить литературному языку и сблизить с языком искусства: подобно последнему, язык науки принципиально макароничен, ибо способен в рамках единой системы органически сочетать различные взаимодополняющие языки, не только «естественные», но также «искусственные»: язык формул, графиков, таблиц и т. п.

Всё это позволяет охарактеризовать описанную языковую ситуацию как социокультурное многоязычие. Полифункциональный язык официального быта конкурирует со специальными языками духовной и материальной культуры: он ориентирован «вширь», они — «вглубь». Каждый из специальных языков допускает неточный перевод на язык быта и имеет в нем свой субститут — определенный «функциональный стиль» литературного языка (один из «функциональных стилей» складывается из так называемых «поэтизмов»: это шаблонизированный материал, отработанный поэзией прошлого). Выигрывая в количестве, литературный язык проигрывает в качестве: с каждой специальной функцией он справляется хуже соответствующего языка духовной или материальной культуры. Возникновение такого многоязычия, при котором специальные идиомы концентрируются вокруг общенационального литературного языка, — это длительный процесс, на русской почве занявший почти четыре столетия (XV—XVIII вв.). Он объединил две магистральные тенденции, которые кажутся противоположно направленными, но в действительности составляют разные стороны единого исторического движения. Первая связана с последовательной дифференциацией древнерусского языкового континуума, из которого постепенно выделились специальные языки, удовлетворяющие разнообразным потребностям культурной деятельности. Важнейшим этапом на этом пути стала автономизация языка церкви: в результате «второго» и «третьего южнославянского влияния» церковнославянский язык, искусственно «архаизированный» и «эллинизированный», далеко отошел от русского и навсегда потерял свою общепонятность; многие формы и грамматические категории, утраченные русским языком за восемь веков, были искусственно сохранены в языке культа. Вторая тенденция связана с формированием языка официального быта, который складывался через интеграцию языковых элементов, характерных для самых разных уровней жанрово-иерархической системы русского Средневековья. Решающее значение в истории универсального языка общенациональной коммуникации имел синтез русского и церковнославянского начал на самых разных уровнях. Завершение этого процесса пришлось на вторую половину XVIII в., когда важнейшие кодификации обоих языков совпали по времени с отмиранием «гибридного (упрощенного) церковнославянского», и в «славенороссийском» языковом континууме образовалась невосполнимая лакуна.

В современном языкознании к числу дискуссионных относится вопрос о существовании литературного языка в донациональный период. Разумеется, если под литературным языком понимать универсальный и полифункциональный язык официального быта, то такого языка в Древней Руси не было вовсе. Противникам этой точки зрения, утверждающим, будто до XVIII столетия существ-

вовал какой-то еще «литературный язык», обладающий иными характерными признаками, следует установить черты, которые сближают «древний литературный язык» с современным литературным языком, одновременно противопоставляя тот и другой всем остальным, «нелитературным», специальным языкам культуры. Но пока такие черты не найдены, вряд ли целесообразно использовать один и тот же термин для обозначения столь непохожих друг на друга явлений. Когда речь идет о древнейшем периоде существования письменного языка на Руси, лучше говорить о его исторической стилистике, а историю русского литературного языка отсчитывать с послепетровского времени.

Направление и механизмы развития литературного языка обусловлены его назначением: в его первоочередные задачи входит популяризация, «повторение пройденного», общепонятный (облегченный) пересказ. По своей природе литературный язык пассивен, а языки духовной культуры ориентированы на активное языкотворчество: основной фактор их эволюции — изобретение, тогда как основной фактор эволюции литературного языка — отбор. Но что именно отбирать и откуда — зависит от аксиологического статуса разных отраслей духовного и материального творчества в данный момент развития общества. Так, в XVIII — первой трети XIX в., пока деятели русской культуры хорошо помнили «о пользе книг церковных в российском языке» (М. В. Ломоносов, 1758), одним из важнейших ориентиров для литературного языка оставался язык культа: целое столетие церковнославянская грамматика играла роль «регулятивного орфографического и морфологического принципа по отношению к русскому литературному языку» (Винокур 1947а, 118), а церковная стилистика оказывала влияние на чисто бытовые жанры письменности. Начиная с последнего десятилетия XVIII в. решающая роль в организации языка быта начинает переходить к литературе (достаточно сказать о влиянии Карамзина: его синтаксиса, лексики и семантики, а также о нормализующем значении карамзинской орфографии). Новое положение дел сохранялось более столетия: последнее заметное влияние на литературный язык со стороны языка художественной литературы — это актуализация непродуктивных и малопродуктивных словообразовательных моделей сначала в языке футуристов, а затем в общелитературном языке («взрыв» аббревиации). Социолингвистические процессы XX в., подготовлявшиеся с середины предыдущего столетия, прошли в основном под знаком общелитературной ассимиляции некоторых специфических явлений языка науки.

Языковую ситуацию, структурированную литературным языком, нельзя считать одной из культурных универсалий: она окончательно оформилась сравнительно поздно, в Новое время, а уже в наши дни подверглась атаке со сторо-

Приложения

ны идеологии постмодернизма, основной стратегией которого является стирание граней между духовной культурой и бытом. Эта стратегия ведет к разрушению системы социокультурного многоязычия, и в том числе к исчезновению стандартного литературного языка как престижной нормы языкового употребления, общеобязательной по крайней мере в рамках официального быта. Деградация литературного языка сегодня сказывается не только в безразличии многих средств массовой информации к требованиям грамматики и словарей; не менее симптоматичны «непарламентские выражения» в устах парламентариев или проникновение уголовного жаргона в язык главы государства.

Л и т .: Винокур 1929; Гавранек 1967 [1932]; Мукаржовский 1967 [1932]; Винокур 1959а; Виноградов 1982 (1-е изд.: Виноградов 1934); Винокур 1990в [1945?]; Issatschenko 1980–1983; Успенский 1985; Шапир 1989в; Шапир 1993в; Успенский 1994 (рец.: Шапир 1997б); Живов 1996.